

Сталин – Черчилль – Рузвельт: становление великого союза (июнь – август 1941 года)

События конца июня 1941 г. стали тем политико-стратегическим рубежом, который коренным образом разделил военно-политическую борьбу в мире на «до» и «после» и определил содержание феномена «Мир и Война: 1941 год». Исходным и главным фактором такого раздела стало нападение фашистской Германии на Советский Союз и начало Великой Отечественной войны.

Однако само по себе это событие при всей его важности не смогло бы определить указанный рубеж. Другим важным фактором стало образование коалиции Великобритании, СССР и США – «большой тройки», или великого союза. Он не просто персонализировался именами И.Сталина, У.Черчилля и Ф.Рузвельта, но и возник благодаря их энергичным и смелым действиям.

В канун начала операции «Барбаросса» едва ли кто мог представить те перемены, которые произойдут в мире, особенно в отношениях Лондона, Москвы и Вашингтона в первые же дни войны. В середине июня 1941 г. враждебность Кремля к западным державам усилилась и была не ниже, чем к Германии. При всей сложности, многослойности содержания Сообщения ТАСС 13 июня 1941 г. одно в нем было несомненным: правительство У.Черчилля открытым текстом было названо главным врагом мира, который сохранялся на востоке Европы и который Лондон своей «неуклюжей стряпней» хотел взорвать и «развязать войну» между Германией и СССР¹. Отношение Сталина к Вашингтону в то время прямо не

* *Анатолий Гаврилович Чевтаев* – д-р истор. наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

¹ *1941 год* / Научный редактор В.П.Наумов. (Серия «Россия. XX век». Документы.) Кн. 2. М., 1998. С. 361.

зафиксировано, но в целом было в той же плоскости, что и к Лондону. Западные лидеры, однако, видели ситуацию в Европе в ином свете. В конце мая 1941 г. У. Черчилль на основании многочисленных разведанных пришел к выводу, что Германия готовит сокрушительный удар по СССР². Получив дополнительное подтверждение, британское руководство трижды (!) в течение июня сообщало советскому послу И. Майскому об этих данных и заявило, что в случае такого развития событий и советского сопротивления (!) Великобритания не только решительно осудит немецкую агрессию, но и окажет Москве возможную помощь – 15 июня У. Черчилль в послании Ф. Рузвельту изложил эту позицию и 21 июня получил одобрение³.

Таким образом, в самый канун начала операции «Барбаросса» сложилась редкая по своей парадоксальности конфигурация отношений двух фигур будущей «большой тройки». И У. Черчилль, и И. Сталин подозревали друг друга в намерении пойти навстречу А. Гитлеру и «выйти из игры». Москва избрала, как ей казалось, ловкую тактику заверения будущего врага в своей лояльности и откровенничания от симпатий своему будущему союзнику. Лондон же выбрал более простую линию поведения: многозначительное умолчание в отношении Берлина (намек на возможность реализации потенциала «миссии Гесса») и настойчивая доверительность к будущему союзнику.

Но если тактика И. Сталина не могла сколько-нибудь серьезно ухудшить престиж Кремля на берегах Темзы, то линия У. Черчилля еще больше укрепила подозрения Москвы относительно британской «закулисы».

Корни просчета советского вождя заключались, с одной стороны, в явной недооценке глубины раскола мирового капитализма, проложившего непроходимую пропасть между британской демократией и германским фашизмом, а с другой – в переоценке роли потенциального западноевропейского театра военных действий в «большой стратегии» А. Гитлера весной – летом 1941 г.

Как известно, западные лидеры в первые же дни войны публично подтвердили ранее согласованную позицию. Содержание ре-

² *Center of Military Archives*, Kings College, London. Ismay's Papers, VI/1. P. 26 – 27.

³ *См.: Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991. С. 158 – 159; Cadogan A. *The Diaries of Sir A. Cadogan*. L., 1971. P. 385, 388.

чи У.Черчилля, с которой он выступил вечером 22 июня, исходило из предположения о решимости Москвы дать отпор агрессору. В то же время она отразила сложное переплетение проблем, которые стояли в тот момент перед Лондоном. В отношении И.Сталина были четко обозначены два самостоятельных, хотя и связанных вопроса: неприятие «коммунистической системы России» и готовность оказать СССР посильную помощь, поскольку он притянул к себе основные силы смертельного врага Великобритании. Свою страну премьер-министр призвал не расслабляться, ибо поход нацистов на восток Европы виделся ему в конечном счете «лишь прелюдией к попытке вторжения на Британские острова»⁴.

Таким образом, 22 июня 1941 г., кроме начала смертельной схватки между Берлином и Москвой, состоялся своеобразный обмен мнениями между У.Черчиллем и И.Сталиным: речь В.Молотова по радио в полдень 22 июня была в сущности выступлением советского вождя. В плане международном она была предельно осторожной: ни одного слова, обращенного хотя бы к друзьям Страны Советов, к антифашистским силам, не говоря уже о правительствах. И, конечно, слово «Великобритания» не произносилось. За этой сдержанностью скрывалось прежде всего недоверие к позиции Лондона, неприятие в его решимость продолжать борьбу с Германией после начала войны на Востоке. Это недоверие ярко проявилось в беседе И.Майского с главою Форин офис А.Иденом днем 22 июня. Последний дважды ясно заявил, что Британия не только не прекратит, но даже усилит борьбу с Германией. Но и после этого посол спросил собеседника: «Могу ли я сообщить советскому правительству, что ни о каком мире между Англией и Германией не может быть и речи?» А.Иден ответил: «Да, можете сообщить». Но только после речи У.Черчилля И.Майский поверил в правдивость этого ответа⁵. Поверил ли в это И.Сталин – вопрос, на который до сих пор нет определенного ответа.

«Обмен мнениями» 22 июня благоприятно повлиял и на У.Черчилля. В его настроении и поведении заметно ослабел мотив опасения новой сделки двух диктаторов, которая серьезно беспокоила его вплоть до речи В.Молотова. А вот опасение быстрого

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991. С. 170 – 172.

⁵ Документы внешней политики: 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. 24. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000. С. 10 – 11.

успеха вермахта то ослабевало, то усиливалось – в зависимости не только от реального хода событий на востоке Европы, но и от степени информированности Лондона об этой борьбе.

Существенной особенностью глубинных отношений Ф.Рузвельта и И.Сталина до 22 июня (не столько политических, сколько психологических) была их гораздо меньшая взаимозависимость в сравнении с парой Черчилль – Сталин. Помимо иной геополитической и стратегической ситуации, важную роль играли два других фактора: формально нейтральный статус США и все еще довольно изоляционистский вектор настроений американской публики, о чем подробно сообщил в своей телеграмме в Москву посол К.Уманский⁶.

Все это и определило тональность поведения Белого дома. Выждав одни сутки (!), президент 23 июня в кратком выступлении решительно осудил нацистскую агрессию и в более осторожной форме, нежели У. Черчилль, обещал оказывать помощь Москве в «рамках существующих обязательств». И все же это был крупный и смелый шаг в нужном направлении. В своей телеграмме К.Уманский, один из самых талантливых дипломатов той эпохи, довольно точно определив позицию президента еще до его выступления, предложил сформулировать «повестку дня» своей будущей беседы с Ф. Рузвельтом «от имени И. Сталина и В. Молотова». Она, кроме главного вопроса – совместной борьбы с Германией, могла включать проблемы Дальнего Востока, особенно японскую ситуацию в Китае, и другие⁷.

По существу, это предложение подводило к идее установления личных контактов между лидерами двух самых могущественных стран – противников фашистских агрессоров. Однако в Кремле не приняли этот совет. Вероятно, еще держалась иллюзия быстрого преодоления неудач первых дней войны. Да и общая тональность отношений Москвы и Вашингтона не располагала к этому.

И все же анализ позиций трех лидеров в первые дни Великой Отечественной войны позволяет сделать вполне определенный вывод: 22 – 24 июня 1941 г. был заложен первый камень в основание мировой антифашистской коалиции. Каждый из них внес свой неповторимый вклад в это событие, но если все же попытаться оценить долю каждого, то наиболее яркой и значимой будет роль У.Черчилля. Она определилась как объективным положением Ве-

⁶ Там же. С. 11 – 13.

⁷ Там же. С. 13.

ликобритании в ходе мировой борьбы, так и личными качествами премьер-министра: энергией, волей, целеустремленностью и, вместе с тем, большим ощущением опасности для всей «большой тройки» в случае разобщенности их курса в новой ситуации.

Однако этот «краеугольный камень» будущего великого союза имел свои острые углы, которые более всего проявлялись в отношениях Кремля и Уайт-холла. У. Черчилль и его команда предлагали немедленно начать военно-экономическое сотрудничество, не дожидаясь заключения политического соглашения и в сущности не желая его⁸.

И.Сталин, напротив, настаивал на скорейшем заключении последнего. Он справедливо полагал, что если обе стороны настроены на решительную борьбу с общим опасным врагом, то нет оснований откладывать в долгий ящик политическое соглашение. Кроме того, в Кремле резонно считали, что при отсутствии политического соглашения у англичан, весьма сомневавшихся в способности Красной Армии отразить удар, будет сильный соблазн свести сотрудничество к «обмену военным опытом и информацией», то есть к получению от Москвы секретных данных о состоянии экономики и боевой подготовки вооруженных сил СССР без оказания какой-либо практической помощи советской стороне.

Другим поводом – а, с точки зрения И.Сталина и В.Молотова, веским основанием – для недоверия У.Черчиллю и его дипломатам было сильное подозрение Москвы, высказанное В.Молотовым британскому послу Ст.Криппсу в первой же беседе с ним 27 июня, что «Р.Гесс предупредил англичан о возможности ближайшего нападения Германии на СССР». И хотя посол категорически отверг это предположение, Кремль остался при своем мнении.

Решительное объяснение по данной проблеме произошло 8 июля в беседе И.Сталина с Ст.Криппсом, вручившим советскому вождю первое личное послание У.Черчилля, в котором ни слова не было о политической платформе совместной борьбы. И.Сталин поставил вопрос ребром: либо две державы формируют военно-политический союз и на его основе поведут реальное сотрудничество, либо Москва прекращает «разговоры о сотрудничестве». Он даже намекнул на возможность повторения того результата, каким закончились англо-франко-советские переговоры в 1939 г.⁹

⁸ Документы внешней политики... С. 46 – 49.

⁹ Там же. С. 123.

По существу, в этой полемике произошла политико-психологическая схватка И.Сталина и У.Черчилля – первая из многих за долгие годы войны. Сильные стороны позиции советского лидера, подкрепленные его вероятной информированностью о настроении британской элиты благодаря работе кембриджской «пятерки», уравновешивались недоверием к донесениям советских агентов. Отсюда сохранение подозрения, что в Лондоне оставляют запасной вариант договоренности с Берлином через Р.Гесса. В свою очередь, слабость позиции У.Черчилля – непонимание глубинных факторов советского сопротивления – компенсировалась твердой решимостью Лондона не идти ни на какое соглашение с любым вариантом нацистского режима и уверенностью, скорее интуитивной, что «русского медведя» разъярили не на шутку и он еще покажет свою силу.

Это балансирование позиций лидеров и особенно заявление И.Сталина, что Москва не намерена включать в предлагаемую договоренность требования послевоенного порядка (установление «сфер влияния», чего так боялись в Лондоне), привели к подписанию 12 июля 1941 г. Соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Оно содержало два обязательства: «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода» и не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора без взаимного согласия. Таким образом, стороны как бы застраховали себя от возможного весьма опасного шага союзника – сепаратного соглашения с Германией, хотя в глубине души опасения такого рода сохранялись и в Лондоне, и в Москве.

18 июля И.Сталин направил первое послание У.Черчиллю, в котором высказал пожелание о создании англичанами «фронта борьбы против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». Так было положено начало длительной и порою резкой полемике о создании «второго фронта»¹⁰.

Остаточная историческая традиция никогда не подвергала научному анализу видение этой проблемы И.Сталиным, ограничиваясь повторением его аргументов и решительно осуждая Лондон за отказ принять советское предложение. Между тем создание «второго фронта» было не таким простым делом, как представля-

¹⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 10 – 11.

лось советскому вождю и его советникам, даже в 1942 г., а тем более – летом 1941 г. Даже ограниченная десантная операция через Ла-Манш требовала достижения господства и на море, и в воздухе, а также большого числа специальных судов, прежде всего танко-десантных. Летом – осенью 1941 г. англичане смогли бы добиться только господства на море, да и то с риском тяжелых потерь на жизненно важных атлантических путях.

Сознательно или нет, И.Сталин в данный момент полностью игнорировал очень важный психологический фактор. Ни британское руководство, ни тем более вооруженные силы и население, находясь еще под впечатлением недавнего разгрома и бегства их дивизий с континента, не смогли бы подготовиться ни физически, ни морально-психологически к десанту через Ла-Манш. Правда, в Кремле скоро поняли, что уверения И.Сталина относительно «популярности идеи создания такого фронта в армии Великобритании и среди населения Южной Англии» выглядят по меньшей мере наивно. И.Сталин довольно спокойно встретил отказ У.Черчилля обсуждать вопрос об открытии фронта в Северной Франции, но в знак недовольства этим отказом и срывом обещания начать совместную операцию в Северной Норвегии демонстративно не ответил на пять (!) посланий У. Черчилля в июле – августе 1941 г.¹¹.

Глубинной основой противоречий в «большой тройке» летом 1941 г. была все же не конкретная проблема «фронта в Северной Франции», а разное видение эпицентра мировой войны. И здесь расходились не только И.Сталин и лидеры Запада, которые, при всем высоком мнении о роли германо-советского фронта в ситуации июня – июля 1941 г., центральной осью войны считали схватку Старого и Нового света, а основным ее полем – океанско-морские коммуникации.

У.Черчилль и Ф. Рузвельт расходились в видении приоритетов в этой борьбе. Премьер-министр, считая ее важнейшим объектом и целью оборону имперской «жизненной линии» Красное море – Суэцкий канал – Мальта – Гибралтар, еще в мае – июне 1941 г., под впечатлением неудач в Египте и на Крите поставил перед президентом вопрос о «немедленном объявлении войны» Германии.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 11 – 18.

Он утверждал, что в противном случае весьма вероятной становится потеря указанной «линии», и тогда «безнадежной будет перспектива победы западных демократий в мировой войне»¹². Ф.Рузвельт, твердо отклонив эту просьбу, заявил, что главное поле борьбы находится не в Средиземноморье и что, даже если Ближний Восток будет оставлен, «в конечном счете контроль над путями в Индийском океане и в Атлантике приведет к победе в войне»¹³.

Однако У.Черчилль остался при своем мнении и, продолжая наращивать свои силы на Средиземноморском театре военных действий, настойчиво просил значительно увеличить туда поставки из США. Надеясь склонить Белый дом на свою сторону, он принял требование Ф.Рузвельта, чтобы уполномоченный президента по ленд-лизу А.Гарриман провел в июле 1941 г. проверку реальных потребностей англичан на данном театре военных действий и эффективности использования американских поставок.

Однако результаты инспекции не оправдали надежд У.Черчилля. Американцы согласились с необходимостью увеличения поставок оружия из США в данный регион, но предложили за счет повышения эффективности использования боевой техники сократить собственные британские поставки на данный театр военных действий, чтобы соответственно усилить позиции союзников в Северной Атлантике, включая намечавшийся путь вокруг Скандинавии в Мурманск и Архангельск. Однако Лондон не принял эти рекомендации. У.Черчилль на высоком совещании в Лондоне 24 июля с участием А.Гарримана и Г.Гопкинса прямо заявил, что англичане сохраняют нынешний уровень своих поставок в Средиземноморье, который составлял осенью 1940 – летом 1941 г. 50% производимого в Великобритании оружия¹⁴.

В середине июля – середине августа 1941 г. в контактах Вашингтона, Лондона и Москвы произошли важные события, ставшие новыми шагами в становлении великого союза. Доверенное лицо Ф.Рузвельта Г. Гопкинс совершил поездку в Лондон, а затем в Москву.

¹² *Center of Military Archives*, Kings College, London. Ismay's Papers, VI/1. P. 24 – 25.

¹³ Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence. L., 1975. P. 139 – 140.

¹⁴ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 519 – 520.

Главными предметами обсуждения были предстоявшая личная встреча Ф.Рузвельта и У.Черчилля и перспективы борьбы на советском фронте. Премьер-министр был вынужден принять две важные позиции президента на будущей встрече: «никаких разговоров о сроках вступления США в войну» и непризнание Вашингтоном любых сделок экономического или территориального характера, достигнутых Лондоном с любым правительством.

Еще более важным был визит Г.Гопкинса в Москву. И.Сталин, получивший послание Ф. Рузвельта с просьбой «отнестись к Г.Гопкинсу с таким же доверием, как если бы Вы говорили со мной лично», довольно откровенно обрисовал ситуацию на фронте борьбы с Германией. Москва и Вашингтон были едины в решительном неприятии нацизма, но, что было еще важнее, Г.Гопкинс убедился в отсутствии в Кремле пораженческих настроений, в твердой готовности воевать до победного конца. И.Сталин проявил редкую готовность предоставить американцам «всю необходимую информацию» для решения вопроса об очередности тех или иных поставок в СССР. Наконец, он поддержал идею проведения совещания на высоком уровне для согласования потребностей армий трех стран в ближайшее время в тяжелом вооружении¹⁵.

В целом, беседы Г.Гопкинса в Москве привели к установлению определенного взаимопонимания между Ф.Рузвельтом и И.Сталиным. При всех различиях в мировоззрении и менталитете у них оказалось немало общего. Прежде всего, понимание особой роли двух стран в мировой войне. Между ними практически не было политико-психологического наследия «умиротворения» и сложной борьбы в треугольнике Лондон – Берлин – Москва в 1939 – 1941 гг. Наконец, И.Сталина и Ф.Рузвельта сближали некоторые общие черты характера: сильная воля, твердость, выдержка, скрытность, развитое чувство инстинкта. Сильное и весьма благоприятное впечатление Г.Гопкинса об И.Сталине в целом передалось президенту, и это положительно сказалось в будущем. При всех разногласиях военных лет оба лидера за редким исключением сохраняли весьма уважительное отношение друг к другу.

¹⁵ Документы внешней политики: 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. 24. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000. С. 198 – 199, 205 – 208.; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 525 – 549.

Первая личная встреча Ф.Рузвельта и У.Черчилля произошла на кораблях двух стран у берегов Ньюфаундленда 9 – 14 августа 1941 г. Она стала важной вехой на пути формирования англо-американского союза, решающим событием во взаимоотношениях двух лидеров, которые с полным основанием можно назвать дружбой.

Самыми важными документами встречи стали Атлантическая хартия (первоначально ее называли «Декларация Рузвельта – Черчилля») и совместное послание И.Сталину. В нем признавалось большое значение для поражения гитлеризма «мужественного и стойкого сопротивления Советского Союза», подтверждалась готовность отправлять срочную помощь и выражалось согласие провести совещание в Москве «для принятия быстрых решений о распределении наших общих ресурсов»¹⁶. Послание свидетельствовало о том, что западные лидеры стали более оптимистично смотреть на способность СССР выстоять перед натиском вермахта.

Анализ и оценка Атлантической хартии хорошо известны. Будучи изложением «некоторых общих принципов национальной политики» двух стран, она была необходима как свидетельство военно-политического союза самых могущественных стран Запада, защищавших свои жизненные национальные и социально-классовые интересы от покушений со стороны блока фашистских агрессоров. В то же время Вашингтон и Лондон учитывали, что СССР, государство совершенно иной и, в конечном счете, враждебной системы, в речи И.Сталина 3 июля поставило своей целью «помочь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». Поэтому Ф.Рузвельт и У.Черчилль не могли не зафиксировать свою позицию, свое видение помощи Европе. Ряд положений Атлантической хартии четко противостоял не только основным ценностям социализма, но и реальной международной политике СССР 1939 – 1940 гг. Особенно это относилось к первым двум пунктам документа: осуждению территориальных приобретений и насильственному изменению в положении отдельных государств.

Естественно, что Москва обратила внимание на этот подтекст хартии и некоторое время воздерживалась от ее признания. Очевидно, в этом же была и причина того, что И.Сталин не ответил

¹⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 16.

своим партнерам на указанное послание. И все же, как показали последующие события, советское руководство в целом положительно отнеслось к документам и решениям лидеров Запада.

Атлантическая встреча Ф.Рузвельта и У.Черчилля завершила важную фазу становления великого союза. Все три лидера получили определенное представление друг о друге, о целях и задачах, которые они решали вместе и каждый в отдельности. Наиболее полным знакомство и взаимопонимание получилось у У.Черчилля и Ф.Рузвельта, что вполне объяснимо. В паре Рузвельт – Сталин произошло серьезное продвижение, своего рода прорыв, благодаря миссии Г.Гопкинса.

Наиболее сложной была ситуация в отношениях лидеров Великобритании и СССР. Понимая необходимость сближения и сотрудничества и двигаясь в этом направлении, И.Сталин и У.Черчилль в то же время испытывали друг к другу определенную неприязнь. Она была следствием не только большой разницы характеров, различного видения общих проблем борьбы с врагом, но и результатом «наследия прошлого» – подозрений, вытекающих из событий сентября 1939 – июня 1941 г.

Но в главном все трое были едины. Они понимали, что никакая комбинация «двух из трех» не способна даже устоять перед смертельной угрозой, а тем более одержать конечную победу. Только «большая тройка» могла достичь этой цели. Объединиться таким разным странам и личностям с такими различными, порою противоположными, ценностями, амбициями и предрассудками – в этом и заключается подлинное величие союза, созданного И.Сталиным, Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем летом 1941 г.